

Психологический анализ художественного текста в учебнике

Г. Г. Граник,

*доктор психологических наук,
академик*

Л. А. Концевая,

кандидат психологических наук

Феномен узкой направленности в трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь»

*...чувство есть другое...
Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит.*

В своем исследовании структуры смысла жизни В. Э. Чудновский, исходя из того, что в основе структуры смысла жизни лежит иерархия смыслов, «соотношение «больших» и «малых» смыслов», выделяет тип структуры, условно названный им «монолитом». Этот тип структуры «характеризуется тем, что ведущий компонент иерархии становится самодовлеющим. Он как бы поглощает остальные компоненты иерархии». Нельзя не согласиться с В. Э. Чудновским, что «оголенный» смысл жизни «в конце концов ведет к деформации личности» [11].

Человек, у которого эта деформация уже произошла, — это Барон в трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь».

Работе школьников с текстом предшествовала беседа, в которой было дано представление о направленности личности, в частности об узкой направленности, и предложено провести под нашим руководством исследование на тему «Проблема узкой направленности» в трагедии «Скупой рыцарь».

Приводим фрагмент учебника, который потом давался школьникам.

Работая над сочинением, не расставайтесь с текстом. Не торопитесь заглядывать в ответ: побудьте сначала в роли литературоведа — психолога.

Читая трагедию, вы наверняка поняли, что проблема узкой направленности раскрывается прежде всего на главном герое трагедии — Бароне.

Спустимся вместе с ним в его «тайный» подвал. Вот они, шесть «верных» сундуков с золотом, а над ними зловещая фигура Барона, который решил сегодня устроить себе пир. Сейчас он отопрет все сундуки и возле каждого не поскупится зажечь свечу, а мы с вами слушаем, о чем говорит наедине с собой этот «царь Кащей», и посмотрим, «чахнет» ли он над своим «златом».

Оказывается, вовсе нет! Сегодня у Барона счастливый день. Почему? Откройте текст и найдите ответ в его монологе.

Да, он счастлив, потому что может в шестой, еще не заполненный сундук «горсть золота накопленного всыпать».

На своем холме из золота он ощущает власть, могущество. Ему, вернее его золоту, все подвластно. Найдите строчки, в которых он с упоением об этом говорит.

Подумайте, вот, оказывается, в чем смысл счастья Барона: не жить, не достигать желаемого, а лишь **осознавать** свое могущество.

И тут мы узнаем, откуда это сказочное богатство. Да он просто ростовщик! Он, рыцарь, барон и вдруг... ростовщик!

А как же рыцарская честь? — Да он давно ее отбросил. Он весь во власти одной страсти: ему нужно только золото, и неважно, какой ценой оно добыто и сколько слез, горя и преступлений стоит за его богатством. Обратите внимание, Барон не бездумный стяжатель — он все понимает, он ведает, что творит. Найдите в тексте слова, которые подтверждают это. Наверное, вы нашли такие строки:

А сколько человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель...
Да! Если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных.

Вдумайтесь в зловеющий смысл этих слов. Становится страшно. Нам, но не Барону. Обратитесь к тексту и разыщите слова, когда он сравнивает себя с убийцей — садистом. Наверное, вам нетрудно было найти такие слова:

Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

Вы видите, как узкая направленность может привести к полному вырождению человека.

Однако оказывается, что и Барона терзают страхи: его страшит мысль о том, что станет с его богатством, когда он умрет. Вспомните, что сундуки с золотом скупой рыцарь называет державой. Как истинного повелителя этой державы, его терзает мысль о том, кто займет «трон» после его смерти. Барон знает, что это будет его сын, «безумец, расточитель молодой», и мечтает выходить из могилы, чтобы охранять от него свое золото.

Барон думает, что золото дало ему все: богатство, власть, могущество. На самом деле его страсть к деньгам, направленность на наживу, лишила его главного в жизни: любви, человеческого общения, сына и, наконец, жизни. Умирает он страшно, хотя и не от руки сына, а в смертельной схватке с ним. Удары, нанесенные Барону, следовали один за другим, и один был более другого: сын назвал его лжецом, его, рыцаря, который не имел права лгать, сын с радостью принял его вызов на поединок, и, наконец, Барон узнает, что его разговор с герцогом подслушивает сын. Однако о чем думает скупой рыцарь в свой смертный час? Найдите ответ в тексте.

Да, вы правы: он думает только о золоте. Его последние слова о ключах, которые «сдерживают» это золото.

Таков Барон, на нескольких страницах гениально раскрытый Пушкиным и в жизни, и в смерти.

А зачем Альбер? А Жид? Ими тоже движет узкая направленность? Или, может быть, они помогают связать сюжетные узлы? — Нет. Это фон, который способствует пониманию главного героя.

Вот в башне средневекового замка, досадуя и раздражаясь, мечется юный рыцарь Альбер. Он молод, здоров, знатен; он только что одержал блестящую победу на рыцарском турнире, но... он несчастен. Несчастен, потому что у него нет денег.

Так тема узкой направленности на деньги впервые в трагедии возникает в связи с Альбером. Но она проходит через всю трагедию: все события и страсти связаны с деньгами, золотом, богатством, за ними охотятся, ими упиваются, из-за них становятся врагами, из-за них умирают.

Но, в отличие от Барона, Альберу нужны деньги не для того, чтобы, сидя на сундуках с золотом, осознавать свое могущество, а чтобы вести достойную, по его понятиям, жизнь. Он должен во что бы то ни стало явиться на очередной турнир, но у него шлем пробит, латы старые, а конь хромает. И тут появляется ростовщик. Вы, наверное, обратили внимание, что в пьесе он назван Жидом. Может быть, у него, как у башкирца в «Капитанской дочке», просто нет имени? — Нет! Оно у него есть: его зовут Соломон. В устах Альбера он и «бездельник Соломон», и «почтенный Соломон», и «мой милый Соломон». Тогда почему же Пушкин называет его просто Жид?

Это примета времени. Тогда слова «жид» и «ростовщик» часто звучали почти как синонимы. Ростовщиками в основном были евреи, потому что в христианской религии ростовщичество считалось таким смертным грехом, что каралось законом, и ростовщиков после смерти даже не хоронили на кладбище. Еврей же мог заниматься этим ремеслом беспрепятственно, и часто загнанные жизнью евреи становились ростовщиками.

Казалось бы, Соломон в трагедии — фигура проходная, персонаж эпизодический. Это так и не так. Так, потому что он появляется в пьесе ненадолго, а не так, потому что, как видно из текста, Соломон блестяще помогает раскрыть суть и отца, и сына.

Начнем с Барона. Он, как и Соломон, ростовщик. Так чем же он лучше Соломона? — А он и не лучше. Про того мы по крайней мере не знаем, что перед его окном под дождем вдова с тремя детьми полдня «стояла на коленях воя», потому что надеялась, что Барон ее пожалеет и не посадит в тюрьму за долг мужа. Но Барон не пожалел: он заставил ее все-таки отдать последние гроши и омерзительно ликовал по этому поводу. Соломон оттеняет Барона. Обратитесь к тексту, и вы увидите, что никаких преступлений Соломон не совершает. Он просто на этот раз не дает Альберу денег взаймы, потому что рыцарь свои долги ростовщику не возвращает.

Теперь посмотрим, как Соломон помогает раскрыть образ Альбера.

Найдите в тексте место, когда Соломон осторожно, полунамеками подсказывает Альберу, как завладеть несметными богатствами отца. Альбер взбешен. Как вы думаете, почему?

На поверхности лежит простой ответ: как могли ему, рыцарю, предложить такое — отравить отца?! А может быть, он взбешен по другой причине: Соломон выудил из темных глубин души Альбера его затаенное желание избавиться от отца?

Многие годы литературоведы ведут спор на эту тему.

Одни считают, что Альбер, конечно, жаждал смерти отца, но мысли об убийстве у него не было, и поэтому его так разгневал ростовщик.

Другие считают, что ростовщик вызвал бешеный гнев рыцаря именно тем, что разгадал его смутное желание.

А как думаете вы?

Если вы внимательно вчитаетесь в текст, то поймете, что неважно, хотел Альбер убить отца или нет. Принимая вызов к поединку, он практически следует совету Соломона. Вот и

получается, что Барона убивает главное действующее лицо трагедии — золото, вернее узкая направленность Барона на деньги, страх потерять их, а вместе с ними и смысл жизни.

Пушкин, подводя итог всему произошедшему в трагедии, вкладывает в уста Герцога такие слова:

«Ужасный век, ужасные сердца!»

Смысл этой фразы многозначителен.

Одни считают, что она характеризует ужасные отношения отца и сына.

Другие — что страшен мир, где правят деньги (ведь за ними стоят преступления одних и страдания других) и вдовы воют под окнами ростовщика.

Третьи уверены, что ужасны сами герои: средневековые рыцари, отец и сын.

А как думаете вы? Перечитайте текст и сравните свои мысли с ответом учебника.

Мы считаем, что правы все. Отношения отца и сына действительно олицетворяют «ужасный век, ужасные сердца».

В чем-то Альбера можно понять: он рыцарь, но он беден, постоянно унижен, раздосадован и обеспокоен. И это влияет на его отношения с другими людьми. Он ненавидит собственного отца, ждет его смерти и готов ее ускорить. Не ядом, но поединком. Он груб с ростовщиком, от которого во многом сам зависит. Но хочется ли посочувствовать Альберу? — Нет! Его можно только пожалеть.

Отец Альбера тоже сочувствия не вызывает. А можно ли его пожалеть? — Конечно! Ведь это человек, мимо которого прошла жизнь. Пока Барон служил золоту, он потерял сына. А ведь они могли остаться людьми, но их растлили деньги, и из их жизни ушло самое главное — родительская и сыновья любовь. Вместо живых, теплых, человеческих отношений между ними ненависть и борьба из-за денег.

Единственно, кто вызывает сочувствие, это стоящая на коленях вдова.

А кто из героев трагедии вам нравится?

Мы несколько не удивимся, если никто.

Как могут вызывать симпатию люди, переставшие быть людьми? Разве может нравиться Барон, который из-за любви к золоту потерял все, даже жизнь? А Альбер? Ему действительно не повезло с отцом. Но разве можно найти оправдание сыну, который на поединке готов убить родного отца?

Давно написана трагедия, но проблемы, которые она ставит, существуют и сегодня. Это проблемы чести, денег, отношений между родителями и детьми.

Вы, наверное, заметили, что в ответе мы вышли за рамки вашего сочинения. Это неудивительно: трагедия Пушкина не только об узкой направленности, и нам хотелось, чтобы вы об этом узнали. Мы надеемся, что вам это было небезынтересно.

Опытная проверка фрагментов учебника «Русская филология»

Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть.

А. Островский

Как уже говорилось, мы предположили, что психологический анализ художественного текста, заложенный в основу «Русской филологии», может стать одним из способов воспитания читателя, свободно владеющего устной и письменной речью. Читатель — это человек, понимающий текст, открытый его эмоциональному и эстетическому воздействию и способный проявить нравственную позицию при оценке читаемого. Это человек, который «судит, наслаждаясь текстом, и наслаждается, рассуждая» (И. Гёте). Читателем с большой буквы мы

называем человека, для которого чтение является потребностью, одной из форм духовной жизни и средством созидания самого себя как личности.

Наше предположение нуждалось в проверке. Кроме того, мы хотели выяснить, как будут работать старшеклассники, которых к этому специально не готовили, с фрагментами учебника.

В опытной проверке участвовали 24 учащихся из разных московских школ, гимназий и лицеев. Испытуемые составили две группы, по 12 человек в каждой. В первую группу вошли учащиеся, у которых были проблемы с грамотностью и пониманием художественного текста и чьи родители обратились к нам за помощью. Эти испытуемые обучались по нашим учебникам и учебным пособиям и поэтому в значительной мере были подготовлены к новому виду работы. Во вторую (контрольную) группу были произвольно отобраны учащиеся также из разных школ, гимназий и лицеев, но не обучавшиеся по нашим программам и, следовательно, к такой работе специально не подготовленные.

В ходе проверки мы вели наблюдение и фиксировали поведение школьников и их высказывания.

Кратко изложим результаты проверки.

Учитывая, что знания можно получать по-разному, мы сразу поставили испытуемых обеих групп в ситуацию выбора: они должны были сами решить, получить ли материал в готовом виде или «добыть» его самостоятельно, а потом сопоставить с ответом учебника. Как мы уже говорили, школьники после предварительной беседы с учителем — экспериментатором, получив вопросы к тексту, должны были его прочитать и написать сочинение или подготовить устное сообщение по составленному ими плану.

Все испытуемые первой группы выбрали самостоятельную работу, а некоторые из них даже удивились, что могут найти желающие сначала заглянуть в ответ. Мы не спрашивали их о мотивах выбора, они сами его объясняли. То, что они говорили, можно обобщить репликой одной ученицы. «Но это же неинтересно!» — сказала она о возможности получить готовый ответ.

Этих школьников отличал не только интерес к предложенной работе и желание попробовать себя в новой роли (стать психологом), но и раскованная речь, использование сложных синтаксических конструкций как в устном сообщении, так и в сочинении (учебник «Русская филология» и обучение по системе Г. Г. Граник формируют определенный уровень грамотности и синтаксического развития, что снимает страх перед разного рода грамматическими трудностями).

Нужно отметить, что некоторые испытуемые этой группы, несмотря на предшествующее обучение, воспринимали это задание как трудное и беспокоились, справятся ли с ним. Однако попробовать свои силы им хотелось. Они пробовали, увлекались, работа затягивала их, и тогда беспокойство исчезало и начиналось творчество.

Работы испытуемых первой группы — это всегда самостоятельный (удачный или неудачный) анализ художественного текста, а не попытка его пересказать. Ни для кого не секрет, что в обычных школьных сочинениях учащиеся самостоятельный анализ стараются подменить компиляцией из рассказов учителя, текстов учебника и чужих сочинений, минуя художественный текст. Компиляция — жанр достаточно трудный, и школьники часто и с ним не справляются.

В ходе опытной проверки работ испытуемых первой группы мы не обнаружили ни одной компиляции: это всегда был свой текст, своя точка зрения. Аналогичное наблюдалось в тех случаях, когда испытуемые вместо связного рассказа о становлении личности Гринева просто отвечали на данные им вспомогательные вопросы. Вот примеры таких ответов:

«Пушкин показывает через Гринева, — пишет одна испытуемая, — всю человечность Пугачева, и если бы не было этого отношения, то читатель по-другому воспринял бы и Пугачева». Вот другой ответ на этот же вопрос: «Есть еще один человек, к которому Петр Гри-

нев испытывает, не побоюсь этого слова, нежные чувства. Это Емельян Пугачев. Гринев так сильно привязался к самозванцу, что забыл о том, кто его друг. Да, да, именно друг. Гринев ведет себя благородно по отношению ко всем, и в особенности к Пугачеву. Наверное, именно его благородство не дает ему морального права занять сторону бунтовщиков. Пословица, ставшая эпиграфом к повести, может стать наставлением для других, но не для Гринева, который может служить лишь примером человека, сберегшего честь смолоду».

Интересно, что ученица использовала вводное предложение «не побоюсь этого слова», которое сразу эмоционально окрасило ее текст. Вообще, в работах испытуемых этой группы почти всегда есть эмоциональный отклик на прочитанное, однако мера эмоционального накала и способы его проявления зависят от индивидуальных различий школьников.

В этом ответе (как и во многих других) обнаруживается и нравственная читательская позиция, хотя нравственная оценка читаемого как специальная задача не ставилась.

Эмоциональная окраска придается анализу часто с помощью лексики, без использования специальных средств. Вот, например, рассуждение испытуемой по поводу названия повести Пушкина:

«Капитанская дочка». С одной стороны, по этому названию нельзя сказать, что это повесть о **восстании** Пугачева. Это привлекает внимание читателей не к историческим событиям, а к жизни, любви, конфликту основных героев. «Капитанская дочка» — это повесть не о восстании, а о **жизни** людей **во время восстания**.

С другой стороны, «Капитанская дочка» — название очень гордое и торжественное. Это дочь капитана, это благородная девушка. И именно вокруг нее завязываются все конфликты повести. Капитанская дочка — это и предмет любви и обожания главного героя Гринева. Это и пленница Пугачева. Это и дочь погибшего капитана, сирота. Это та самая девушка, которая определила судьбу Гринева своими поступками и своим существованием».

Раскованные и свободно владеющие речью, эти испытуемые охотно делают в своих текстах эмоциональные лирические отступления. Приведем одно из них:

«Самую, на мой взгляд, главную роль в становлении личности Гринева играет любовь к Маше Мироновой. Любовь вообще играет самую главную роль в становлении личности человека. Она переворачивает все твои взгляды на мир. Ты открываешь в себе то, чего не знал раньше. Ты начинаешь понимать, что готов на все, просто на все, ради человека, которого ты любишь!»

Гринев бросает вызов Швабрину из-за любви, готов послушаться родителей из-за любви. Он не боится ничего, потому что любит. Ничего, кроме как потерять любимого человека. Он не боится умереть, защищая Машу Миронову».

Следует сказать, что реакции, наблюдения и размышления испытуемых в ходе работы над текстом иногда оказывались для нас неожиданными. Часто это было связано с тем, что в их анализ произведений Пушкина властно врывается сегодняшний день. Например, они объясняли, почему Барон стал ростовщиком: по их мнению, «деньги не должны лежать мертвым грузом». Если они не «работают», то, говорят испытуемые, человеку ничего не остается, как давать деньги под проценты.

Сегодняшние школьники трудно воспринимают то, что не связано с современными нормами поведения. Так, чтобы они могли понять, как возникла знаменитая история с заячьим тулупчиком и почему Гринев не мог расплатиться с Пугачевым деньгами, им приходилось объяснять, что такое честь и что значило для дворянина честное слово. Не могли они и оценить мужество юного Гринева, когда тот решил жениться без благословения родителей, так как далеко не все молодые люди, вступающие сегодня в брак, нуждаются в согласии родителей.

В их рассказ вторгалась и современная лексика. Например, один испытуемый предложил дать название «Капитанской дочке» — «Кровавый террор Емельяна Пугачева».

Между тем иногда испытуемые отмечали такие детали, которые ускользнули от нашего внимания. Например, прочитав в ответе, что Барон сравнивает себя с убийцей, несколько испытуемых отметили, что Барон сравнивает себя и с «повесой молодым». Узнав из ответа, что главным действующим лицом в трагедии Пушкина являются деньги, они нас поправили: «Не деньги, а золото». Этот ответ действительно точнее, хотя в трагедии Пушкина фигурируют и золото, и деньги.

Испытуемые первой группы при совместном обсуждении работ спорили друг с другом, торопились побыстрее высказаться и продолжали вести диалог с экспериментатором, друг с другом и с текстом даже после окончания работы. На утверждение, что Пушкин характеризует описанное им время как «ужасный век, ужасные сердца», они возражают словами известной песни: «что ни век, то век железный».

Теперь обратимся к испытуемым второй группы.

Их объединяла нацеленность на неуспех, что рождало страх. И страх этот был вызван таким видом работы, который исключал всякую возможность компиляции. Успех мог прийти, если бы изменились мотивы поведения, и вместо стремления только ответить учителю появилось желание попробовать свои силы в новой, самостоятельной работе.

При выборе способа работы эти испытуемые, в свою очередь, разделились на три подгруппы: 1) те, кто хотел сначала попробовать свои силы; 2) те, кто предпочитал заранее прочитать ответ; 3) те, кто не знал, что выбрать: им было все равно.

Испытуемые, решившие сначала поработать самостоятельно, с заданием не справились: даже те, кто имел по литературе «4» и «5», пытались что-то вспомнить из школьного учебника или рассказа учителя на уроке, т. е. опять ограничиться компиляцией. При этом иногда они извлекали из своей памяти какие-то фантастические сведения. Так, учащийся X класса медицинского лицея на вопрос, почему повесть Пушкина названа «Капитанской дочкой», радостно воскликнул: «А... нам говорили! Если бы Пушкин назвал ее «Пугачев», то его бы повесили». Очевидно, что этот ответ в комментариях не нуждается.

Некоторые испытуемые, решившие сразу воспользоваться ответом, читали в учебнике все подряд: обращение к ним, ответ, вопросы внутри ответа, ответы на них.

Наблюдения показали, что испытуемые второй группы размышления в свою работу не включали: в лучшем случае они старались что-то запомнить, в худшем — просто прочитать.

Но среди них встречались и исключения. Десятиклассник, который кроме книг про автомобили по доброй воле ничего не читал, когда в школе нужно было отвечать или писать сочинение по литературе, старался сделать это, минуя текст. Однако в ходе опытной проверки он был поставлен в ситуацию, при которой нельзя не читать текст и любая компиляция невозможна. Он вынужден был обратиться к тексту. И тогда оказалось, что его своеобразные высказывания демонстрируют самостоятельность мышления. Например, в совместной беседе, когда обсуждали отношения Гринева и Пугачева, он сказал: «Пугачев так относится к Гриневу не из-за чувства благодарности, а потому что он хочет успокоить Савельича, которого боится, так как Савельич может разболтать, что Пугачев никакой не царь». Переубедить того юношу оказалось нетрудно: он легко согласился с экспериментатором, что существовал и более простой для Пугачева способ заставить Савельича замолчать — просто его убить.

После разговора о дуэли этот испытуемый задумчиво заметил: «Он (Гринева) не сберет ни честь, ни платье» — и тут же конкретизировал свою мысль: «И заячьего тулупчика лишился, и Швабрина вызвал на дуэль, а дуэли были запрещены».

Иногда этот молодой человек поражал нас бесхитростными, однако другими не замеченными наблюдениями. В сочинении он написал: «Развитие личности героя подчеркивает сам автор. Так, автор в начале романа называет своего героя Петрушей, а ближе к концу все чаще и чаще Петром Андреевичем. Вы можете сказать, что чего здесь особенного, ну растет герой, «растет» и обращение к нему, но я убежден, если бы личность героя оставалась на

протяжении всего романа на одной ступени развития, то Пушкин не стал бы называть его по имени — отчеству, если только не для того, чтобы его высмеять».

Большинство испытуемых этой группы, в том числе и этот думающий мальчик, даже не пытались проследить становление личности Гринева — они, каждый в меру своих возможностей, старались лишь полно ответить на поставленные вопросы. Одним при этом нравилось пробовать свои силы, другим — читать готовый ответ. Можно было наблюдать, как даже у самых неподготовленных из них менялись мотивы поведения: вместо желания как-то «выкрутиться» появлялся познавательный интерес. Мотивационная включенность (термин Н. Л. Карповой) рождала познавательную активность.

Наблюдения за работой испытуемых обеих групп и беседы с ними показали, что предложенный нами вид работы вызывает интерес даже у тех, кто с нею не справился. Часто они сравнивали экспериментальное обучение с тем, что они делают в школе. Одна из испытуемых мечтательно сказала: «Вот если бы нас так учили в школе!»

Нужно отметить читательский рост не только испытуемых, которые работали самостоятельно, но и тех, кто получал знания в готовом виде. В дальнейшем, используя данный метод при анализе комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», эти школьники отказались от компиляции и стали с интересом пробовать свои силы в самостоятельной работе.

Литература

1. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая. А. С. Пушкин в русской критике. М., 1950.
2. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968.
3. Катасонов В. Н. Тема чести и милосердия в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: (Религиозно-нравственный смысл «Капитанской дочки» А. С. Пушкина) // Литература в школе. 1991. № 6.
4. Лихачев Д. С. Несколько слов об авторе этой книги // Мейлах Б. С. Сквозь магический кристалл. М., 1990.
5. Петровский А. В. Психологические воззрения А. Н. Радищева: Канд. дис., 1952.
6. Психологические проблемы построения школьных учебников. М., 1979.
7. Пушкин А. С. Скупой рыцарь // Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1957.
8. Теплов Б. М. Заметки психолога при чтении художественной литературы // Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М., 1975.
9. Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М., 1962.
10. Цветаева М. И. Мой Пушкин. М., 1981.
11. Чудновский В. Э. К проблеме адекватности смысла жизни // Мир психологии. 1999. № 2.